

Е У Ю зевал, сладко потягиваясь, от ночевки на досках у негоныло всё тело. Проснувшись, он заметил, что неизвестный малыш сидит рядом и зловеще таращится на него. Не выдержав, Е У Ю тут же пиннул его — в тот момент он еще до конца не проснулся и подумал, что перед ним злобная собака соседа, которая собралась его укусить. Лишь оттолкнув пацана, он понял, что ошибся.

Заметив, что мальчишка тупо потирает ушибленный затылок, а его огромные черные глаза уставились на него во все глаза — кажется, он еще не сообразил, что произошло, — Е У Ю тут же напустил на себя невинный вид, затянув дурашливую улыбку, и протянул руку, чтобы взъерошить тому волосы:

— Ну надо же так удариться. Ты и так не особо смысленный, смотри еще глупее не стань.

Закончив ерошить волосы, Е У Ю подумал, что у пацана на редкость приятные на ощупь пряди, и погладил его еще пару раз, после чего сунул ему в руку последний паровой мантэ из корзинки:

— Сначала поешь, я отведу тебя домой.

Чао Минь посмотрел на его сияющую улыбку, едва заметно усмехнулся, а затем смачно откусил кусок мантэ. А что, если сожрать его в следующем же городке? Хм, и как же его лучше приготовить? Сначала содрать с него одежду, ногтями распороть кожу на руках и ногах, выпить всю его кровь, облизать кости... Как же это должно быть вкусно! Чао Минь с удивлением обнаружил, что мантэ в его руке на вкус оказался неожиданно хорош.

Е У Ю понял, что у него все-таки не хватит духу просто так бросить этого пацана у дороги. Раз уж он привез малого с причала Транспортного союза, то он твердо намеревался сегодня же повернуть лодку обратно — глядишь, родители бедолаги до сих пор с замиранием сердца ждут его на пирсе.

Вчерашний вечер был самым подходящим временем для возвращения, ведь если у мальчишка были близкие, они наверняка сбились с ног в его поиски на пристани. К сожалению, сам он был смертельно устал, да и кто поручится, что эта шайка психов все еще не околачивается на причале с мечами наголо? У него просто физически не осталось сил возвращаться туда в тот же день.

Конечно, сегодня те психи вполне могли продолжить дежурство на пристани в ожидании новых жертв... Возвращаться было откровенно рискованно.

— Мелкий, ты часом не вспомнишь, где твой дом? — Е У Ю был вынужден вновь обратиться к этому непутевому и блаженному ребенку. Ему же около десяти лет, как можно не знать, где находится собственный дом?

Чао Минь лениво скосил на него взгляд, похоже, совершенно не заинтересовавшись вопросом.

Он опустил глаза на собственные пальцы: на солнце у самых ногтей медленно пробивалось золотистое сияние.

Это были остатки его прежней силы, которая теперь начала пожирать своего владельца. Без сдерживания со стороны его собственной ледяной истинной ци эта золотая буддийская мощь грозила выйти из-под всякого контроля. А что до его собственной истинной ци, то Чао Минь бросил короткий взгляд на молодого человека, она всё еще находилась внутри этого парня.

Поняв, что на него никто не обращает внимания, Е У Ю оставалось лишь тяжело вздохнуть, схватиться за весла и приняться споро грести обратно. Скорость, конечно, едва ли превосходила велосипедную, да к тому же сегодня — в отличие от вчерашнего дня — приходилось плыть против течения. Ему с большим трудом удалось приблизиться к вчерашней пристани, над которой развевался на ветру алый флаг с изображением черно-желтого солнца.

Что за отвратительный вкус у создателей этого флага? Зачем вообще нужны эти пестрые деревенские флаги в стиле вычурной безвкусицы?

Е У Ю бросил косой взгляд на странное полотнище и, не раздумывая ни секунды, словно спасаясь от смерти, принялся яростно грести, устремляясь вниз по течению прочь от пристани. Он заметил вчерашних людей в масках, которые жаждали прикончить его — причем не одного, а целую толпу. Не нужно быть гением, чтобы понять: если посадить пацана на берег, его в два счета порубят на фарш для мясных булочек эти бандиты.

Не найдя другого выхода, Е У Ю уныло протянул:

— Слушай, давай так: доберемся до следующего городка, и я угощу тебя обедом.

После прощального ужина их пути разойдутся — в его положении жизнь исчислялась считанными днями.

Еще находясь в секте Дунсянь, он изучил карту маршрута до секты Куньлунь. До следующего городка отсюда было рукой подать, а времени возиться с потерянным ребенком и искать его родной дом у него сейчас действительно не было. Ухватившись за весла, Е У Ю продолжил упорно продвигаться вперед.

Чао Минь сидел в лодке, подперев рукой подбородок, и с едва скрываемой улыбкой наблюдал за ничего не подозревающим парнем. А на кончиках пальцев его второй руки золотое сияние уже обвивалось черными испарениями. Он медленно закрыл глаза, начиная усмирять бунтующую в нем силу.

Это мучительное терзание было до боли знакомо — до такой степени, что ему вновь захотелось начать убивать.

Река впереди сузилась, вода стала бурной, а пейзажи по берегам — суровыми и неприступными. Изучая карту в бамбуковой хижине, Е У Ю специально уделил внимание речному маршруту. Раз уж с самого начала предстояло путешествовать по воде, он решил воспринимать это как одиночный туристический поход. Подобного опыта у него на родине было хоть отбавляй, он даже из безлюдных местностей Тибета выбирался в одиночку и без происшествий, так что все достопримечательности вдоль берега прочно запечатлелись в его памяти.

Этот живописный, извилистый и опасный водный участок звался Ущельем Сяолин, и река здесь неслась с бешеной яростью. По крутым горным склонам буйно разрослись мандариновые деревья; их сплошная зеленая листва еще не знала цветения. Е У Ю оставалось лишь воображать, как в пору урожая эти деревья будут сплошь усыпаны круглыми мандаринами, так и просящимися в руки. Если ему удастся избавиться от угрозы клятвенной печати, на обратном пути он вполне сможет заглянуть сюда за бесплатными фруктами.

Водный путь в ущелье оказался настолько опасным, что Е У Ю, едва удерживая лодку веслами, был вынужден пустить её по воле волн. Лишь когда нос судна опасно приближался к острым валунам или отвесной скале, он из последних сил отталкивался веслом от камня, успевая выправить курс. И ни о какой остановке здесь не могло быть и речи.

Речные брызги окатили нос лодки, и ноги Е У Ю до нитки промокли. Глядя на узкую полоску неба над головой и сочно-зеленые мандариновые деревья по берегам, он неожиданно поддался меланхоличному порыву и, возмнив себя невероятно поэтичной натурой, замахал рукой ущелью, во весь голос декламируя стихи:

— И с двух сторон кричат непрестанно обезьяны, легкая ладья уже пролетела мимо тысяч гор!

Это были единственные строки Ли Бая, которые он смог вспомнить. Заставь его кто-нибудь прочесть старинную поэму о Трех ущельях целиком, он бы непременно сел в лужу.

Впрочем, где же прятались те самые обезьяны? Е У Ю, сыгравший роль клоуна, которого разыграли сами мартышки, с каменным лицом проигнорировал этот вопрос.

— Какое прекрасное стихотворение! — неожиданно раздался раскатистый, высокий мужской голос. Звук казался наполненным звуковой волной, которая разносилась эхом по всему ущелью, сливаясь с яростным ревом воды, похожим на симфонию судьбы, производя оглушающее и неизгладимое впечатление.

Е У Ю от неожиданности чуть не рухнул головой в воду и тут же задрал голову, пытаясь отыскать говорившего.

Чао Минь сидел в лодке, погруженный в безмолвное раздумье, казалось, ни одно внешнее происшествие не способно было заставить дрогнуть хотя бы ресничку на его лице. Соединив большой палец со средним, он сдерживал зловещую черную дымку, которая проступала сквозь бледные кончики его пальцев. В этой черноте таились золотые нити — его собственная внутренняя энергия, где чахлый холод и кипящий жар существовали одновременно. Если бы

поблизости нашелся мастер высшего ранга, он бы сразу понял, насколько хаотичны потоки ци внутри Чао Миня. Хаотичны настолько, что это граничило с самоуничтожением.

Этот хаос сопровождался дикой болью, однако на лице погруженного в медитацию юноши не было заметно и следа страданий. Его безмятежное выражение скорее напоминало сладкий сон и безмятежный покой, которым никто не смел помешать.

Е У Ю было совершенно некогда обращать внимание на странного пацана в лодке. Сжав весла, он с отвисшей челюстью во все глаза смотрел на черную тень, стремительно летящую сверху. То был молодой человек в глубоких сине-зеленых одеждах, с закинутым за спину древним мечом и широкими рукавами, напоминавшими птичьи крылья. Ловко и стремительно перепрыгивая с ветки на ветку свисавших со скал мандариновых деревьев, он двигался с хищной, непреклонной грацией сокола.

В мгновение ока он очутился на ближайшем к Е У Ю мандариновом дереве. Скрестив руки на груди и позволяя кисточке старинного меча свободно развеиваться на ветру, он неподвижно застыл на хрупких ветвях, словно врос в них.

Он не двигался, зато лодка Е У Ю летела вперед, стремительно проносясь под мандариновым деревом вниз по течению. Незнакомец среагировал мгновенно: оттолкнувшись силой ветви, он камнем взмыл назад, вновь опережая судно, и громко окликнул Е У Ю:

— Меня зовут Юй Линь! Позвольте спросить, младший товарищ, не из секты ли Дунсянь вы будете?

Его наконец-то вынесло на более спокойную гладь, и Е У Ю, стоя на носу лодки, поднял голову и уставился на парня по имени Юй Линь. Тот устроился на ветке дерева, росшего на отвесной скале на высоте нескольких чжанов, сохраняя безупречно прямую осанку. У него были правильные, суровые черты лица и вид воплощенной справедливости.

— Тебе чего? — настороженно бросил Е У Ю, не спеша с ответом. Черт его знает, зачем понадобился этот выскочивший неизвестно откуда парень, чей эффектный выход смахивал на сцену из блокбастера про боевые искусства.

— Мой наставник и почтенный старец Люй Сяо-цзы из секты Дунсянь были близкими друзьями. Я получил приказ встретить старшего, — Юй Линь сложил руки в приветственном жесте, стоя на шаткой ветке так уверенно, будто под ногами была ровная земля.

Они были близкими друзьями? Е У Ю тут же решил, что у него наконец-то появился прок от учительских связей. Обладая столь высокими боевыми навыками, его наставник наверняка водился с истинными гранд-мастерами. Если пригласить побольше таких умельцев, переговорить с ними и сообща прикончить Чао Миня — какое же это прекрасное будущее! Е У Ю поспешно расплылся в лучезарной улыбке радушного хозяина:

— Я Е У Ю, ученик Люй Сяо-цзы.

Лицо Юй Линя мгновенно переменилось. Он с ног до головы окинул Е У Ю оценивающим взглядом, запрытав зарождающееся сомнение глубоко в глазах, и лишь холодно бросил:

— В таком случае, почтенный старец Люй Сяо-цзы...

— Он скончался, — не задумываясь выпалил Е У Ю, порывшись в обрывках чужих воспоминаний. К его крайнему удивлению, в той памяти черным по белому было сказано о смерти старика, хотя где именно его похоронили, почему-то не упоминалось.

Теперь Юй Линь окончательно убедился в цели своего прибытия. Будь Люй Сяо-цзы жив, ему надлежало сопроводить старейшину в секту Куньлунь. Но раз тот умер, следовало уничтожить Е У Ю, ставшего сосудом для семени секты демонов.

— Ты — Е У Ю, — повторно переспросил Юй Линь. Если бы семя демонов одержало верх, Е У Ю давно превратился бы в безумного монстра, однако в глазах этого парня не было и тени безумия, а взгляд оставался кристально чистым.

В тот самый момент, когда Юй Линь подтверждал личность Е У Ю, молчавший и до сих пор полностью игнорируемый всеми Чао Минь наконец открыл глаза. Его зрачки были кроваво-красными, точно у самого настоящего демона. Уголки губ чуть приподнялись в исполненной зловещей насмешки улыбке на детском, казалось бы, лице. Затем он вновь молча закрыл глаза, в то время как по его жилам разливалась жестокая, исступленная боль.

А Е У Ю все еще пребывал в благодушном настроении от мысли, что его наставник оставил после себя надежного бро. Он ласково улыбнулся Юй Линю:

— Моя фамилия Е, а имя У Ю.

В этом псевдоисторическом мире боевых искусств, похоже, не было принято заморачиваться с вторыми именами, так что при знакомстве не приходилось городить огород из красивых прозвищ и титулов.

Юй Линь мрачно уставился на него. Во взгляде этом смешались внутренняя борьба и ледяное равнодушие, которое в конце концов взяло верх. Опустив глаза на Е У Ю, он произнес:

— Прошу прощения за неучтивость, Е У Ю, принимай смерть!

Едва стихли его слова, в воздух взмыл меч. Раздался резкий, леденящий душу звон меча, и на парня обрушилась убийственная волна ци.

— А? — Е У Ю растерянно моргнул. Неужели это такой новый модный способ приветствовать знакомых?

Улыбка еще не успела сойти с его губ, как стоило ему поднять голову, как на него сверху вниз — прямо на макушку — обрушился страшный, леденящий кровь клинок.

Е У Ю... Что за черт? Его наставник и учитель этого парня были лучшими друзьями, или это всё оказалось лишь красивым недоразумением? Е Юй с усталым видом потянулся: от сна на деревянных досках у него затекли все кости. Проснувшись, он увидел, что этот безымянный сорванец сидит рядом и зловеще пялится на него, и не удержался от пинка. В тот момент он еще не до конца проснулся и подумал, что перед ним злобная собака соседа, которая собралась его укусить. Лишь отпихнув мальчишку, Е Юй сообразил, что перепутал его с псом.

Заметив, что пацан тупо потирает ушибленный затылок, а его огромные черные глаза уставились на него с глупым выражением — судя по всему, тот еще до конца не понял, что произошло, — Е Юй тут же принялся с глуповатой улыбкой строить из себя невинность. Он протянул руку и взъерошил мальчишке волосы:

— Как же тебя угораздило удариться? Ты и так не блещешь умом, смотри совсем дурачком не стань.

Закончив ерошить волосы, Е Юй подумал, что на ощупь они на удивление хороши, и погладил пацана еще пару раз. Затем он сунул ему в руку последний оставшийся в корзинке паровой хлебец:

— Сначала поешь, я отвезу тебя домой.

Чао Минь посмотрел на его лучезарную улыбку, слегка скривил губы в подобии улыбки, а затем смачно откусил кусок хлеба. *А не прикончить ли его в следующем городке? Хм, и как же его лучше съесть? Сначала сорвать с него одежду, ногтями распороть плоть на руках и ногах, выпить его свежую кровь, облизать его кости...* Как же вкусно! Чао Минь обнаружил, что хлебец в его руке на вкус удивительно хорош.

Е Юй понял, что у него все же не хватает духу просто так выбросить этого мацанца на обочину. Раз уж он привез пацана с причала судоходной компании, то планирует сегодня же повернуть лодку назад — глядишь, родители бедняги все еще с замиранием сердца ждут его у пристани.

Вчера ночью было самое подходящее время для возвращения, ведь если у шкета есть родные, они наверняка сбились с ног в его поиски на причале. К сожалению, сам он был смертельно уставлен, да и кто знает, не продолжала ли та банда психопатов караулить на пристани, чтобы кого-нибудь прикончить? У него в тот момент просто не было моральных сил возвращаться.

Хотя, вполне возможно, что и сегодня те психопаты все еще торчат на причале с намерением пустить кого-нибудь в расход... Возвращаться — это определенно риск.

— Мелкий, ты часом не знаешь, где твой дом? — Е Юю поневоле пришлось снова расспрашивать этого непутевого и заторможенного ребенка. Ему уже около десяти лет, как он может не знать, где живет?

Чао Минь лениво глянул на него, похоже, совершенно не заинтересовавшись вопросом. Опустив глаза, он принялся разглядывать кончики собственных пальцев: под лучами солнца ногти на них начали медленно охватывать язычки золотистого пламени.

Это были остатки его собственной силы, которая начала давать обратный ход и пожирать своего хозяина. Если не подавлять эту золотую энергию буддийских практик с помощью собственной истинной ци холодной инь, все выйдет из-под контроля. А его истинная ци, как бросил взгляд Чао Минь, все еще находилась внутри этого юнца.

Поняв, что на него никто не обращает внимания, Е Юй лишь беспомощно схватился за весла и поспешно погнал лодку назад. Скорость была разве что чуть выше, чем у велосипеда, и на сей раз все обстояло иначе, чем вчера — плыть приходилось против течения. С грехом пополам приблизившись к вчерашней пристани, он увидел развевающийся на ветру алый флаг с изображением черно-желтого солнца.

Что за отвратительный вкус у создателей этого флага? Зачем вообще нужны такие пестрые сельские флаги вырвиглазного вида?

Е Юй бросил взгляд на это странное знамя, после чего без малейших колебаний, словно спасаясь бегством, налёг на весла и вихрем помчался обратно вниз по течению. Он заметил тех людей в масках, которые вчера собирались разрубить его на куски, причем их было не двое-трое, а целая толпа. Стоило и вообразить, что случись ему высадить пацана на берег, как эту шпану тут же пустили бы на фарш для мясных пирожков.

Не найдя иного выхода, Е Юй уныло произнес:

— Давай так: доберемся до следующего городка, и я угощу тебя обедом.

После прощального ужина они разойдутся каждый своей дорогой: его собственные дни теперь были сочтены.

Еще находясь в секте Иньсянь, он изучал карту маршрута до секты Куньлунь. Отсюда до следующего городка было рукой подать, а возиться с потерянным ребенком, который ищет дорогу домой, у него сейчас поистине не было времени. Работая веслами, Е Юй продолжал упорно продвигаться вперед.

Чао Минь сидел в лодке, подперев рукой подбородок, и невольно улыбался, глядя на ничего не подозревающего юношу. А на кончиках пальцев его другой руки золотое сияние уже обвилось черными испарениями. Медленно прикрыв глаза, он начал подавлять выходящую из-под контроля силу.

Эта мучительная пытка была настолько привычной, что ему захотелось начать убивать.

В месте, где река становилась бурной, пейзаж по берегам приобретал суровый и величественный вид. Изучая карту в бамбуковой хижине, Е Юй специально обратил внимание на русло канала. Раз уж с самого начала приходилось передвигаться по воде, он решил воспринимать это как одиночное путешествие дикарем. Подобного опыта на родине у него было предостаточно — он даже из безлюдных местностей Тибета выбирался в целости и сохранности, так что какую-то захудалую речушку со всеми достопримечательностями вдоль

берегов он легко заучил наизусть.

Этот живописный, поразительный по своей причудливости узкий водный путь назывался ущельем Сяолинь, и речной поток здесь бушевал и метался. По крутым склонам гор густо росли апельсиновые деревья, покрытые сплошной зеленью листвы — до сезона цветения было еще далеко. Е Юю оставалось лишь воображать, как в пору созревания эти деревья сплошь покроются круглыми, готовыми упасть в руки плодами. Если ему удастся избавиться от угрозы печати клятвы, на обратном пути у него, возможно, появится шанс разжиться бесплатными фруктами.

Водный путь в ущелье таил столько опасностей, что Е Юю, работая веслами, оставалось лишь полагаться на волю волн. Лишь когда нос лодки грозил врезаться в скалу или каменный берег, он изо всех сил отталкивался веслом от камня, совершая резкий поворот, чтобы избежать столкновения — причалить здесь не представлялось никакой возможности.

Речная вода захлестывала нос суденышка, и босые ноги Е Юю промокли насквозь. Заметив полоску неба над головой и особенно радующие глаз зеленые апельсиновые деревья на обоих берегах, он неожиданно поддался приступу сентиментальности. Возмнив себя поэтом с тонким душевным устройством, он замахал рукой на ущелье и во всю мочь декламировал стихи:

— Не умолкают крики обезьян по берегам, а легкая ладья уже промчалась сквозь миры гольцов!

Он помнил из Ли Бая только эти две строчки, а если бы его заставили читать по памяти всю классическую поэзию о Трех ущельях, он бы сел в лужу.

Что же касается того, где именно прятались те самые обезьяны? Е Юй, которого обезьяна пригласила в качестве шута, с поистине невозмутимым видом проигнорировал этот вопрос.

— Прекрасные стихи! — внезапно раздался пронзительный и зычный мужской голос. Звук словно нес в себе звуковую волну, которая раскатами эха разносилась по ущелью, смешиваясь с яростным ревом воды, напоминающим симфонию судьбы, производя оглушающее и неизгладимое впечатление.

Е Юй от неожиданности чуть не свалился головой в воду и торопливо задрал голову, выискивая глазами говорившего.

Чао Минь, сидящий неподвижно в лодке, погрузился в глубокие раздумья — казалось, ничто на свете не способно заставить дрогнуть хотя бы единый волосок на его лице. Заломив большой палец на средний, он позволил темной дымке неясно проступить из-под его бледных кончиков пальцев. В этой черной дымке таились золотые нити — это была его внутренняя энергия, где одновременно уживались угасающий холод и клокочущий жар. Если бы поблизости находился мастер высшего ранга, он бы сразу понял, насколько хаотична траектория циркуляции силы внутри Чао Миня. Хаотична до такой степени, что это грозило полным самоуничтожением.

Этот хаос сопровождался невыносимой болью, однако на лице погруженного в медитацию юноши нельзя было заметить и следа страданий. Его безмятежное выражение скорее напоминало безмятежный сон, не нарушаемый никакими тревогами.

Е Юю было совершенно некогда обращать внимание на сидящего в лодке паренька: с веслом наперевес он с отвисшей челюстью таращился на стремительно летящую черную тень. То был молодой человек в одеянии глубокого сине-зеленого цвета, за спиной которого красовался древний меч, а широкие рукава напоминали птичьи крылья. Проворно и ловко перепрыгивая с ветки на ветку апельсиновых деревьев на отвесной скале, он двигался с пронзительной резкостью и неумолимой твердостью сокола.

В мгновение ока он очутился на ближайшем к Е Юю апельсиновом дереве. Скрестив руки на груди и позволив кисточке за спиной трепетать на ветру, он стоял на хрупких ветвях так непоколебимо, будто врос в них корнями.

Он стоял на месте, а лодка Е Юя неслась вперед, стремительно проскакивая под кроной дерева и устремляясь вниз по течению. Молодой человек среагировал мгновенно: оттолкнувшись силой ветвей, он всем телом резко отпрыгнул назад, снова оказавшись прямо перед носом лодки, и громко крикнул Е Юю:

— Я, Юй Линь, позвольте осведомиться, не из секты ли Иньсянь уважаемый младший друг?

С большим трудом лодка выплыла на относительно спокойный плес. Стоя на носу и задрав голову, Е Юй увидел назвавшегося Юй Линем парня, который стоял на горизонтальной ветви дерева, росшего прямо из отвесной скалы на высоте нескольких чжанов. Его осанка была удивительно прямой и правильной, а благородное лицо излучало суровую и неподдельную праведность.

— Ты по какому делу? — настороженно осведомился Е Юй, даже не думая отвечать на вопрос. Кто его знает, какова цель этого явившегося черт знает откуда мужика, чье появление выглядело столь ошеломляюще круто, точно в каком-то блокбастере о боевых искусствах.

— Мой наставник и старый предок секты Иньсянь Люй Сяо-цзы были близкими друзьями. Я прибыл по приказу наставника, чтобы встретить старшего, — Юй Линь сложил руки в приветственном жесте, чувствуя себя на раскачивающейся ветке так уверенно, будто стоял на ровной земле.

Близкие друзья... Е Юй почувствовал, что наконец-то ощутил всю прелесть обладания наставником со связями. У этого парня столь высокие боевые навыки, значит, и его учитель — истинный мастер высочайшего уровня. Пусть таких мастеров явится побольше, они поговорят о старой дружбе, объединятся и прикончат Чао Миня — какое же прекрасное будущее! Е Юй торопливо озарил лицо сияющей улыбкой гостеприимного хозяина:

— Я Е Юй, ученик Люй Сяо-цзы.

Лицо Юй Линя мгновенно переменилось. Он с ног до головы окинул Е Юя взглядом, пряча

зарождающееся сомнение в глубине глаз, и лишь сухо произнес:

— В таком случае, где же почтенный старый предок Люй Сяо-цзы?..

— Он скончался, — порывшись в тех обрывках памяти, уверенно ответил Е Юй, хотя было странно, что в этих воспоминаниях не осталось никаких сведений о том, где именно был похоронен Люй Сяо-цзы.

Юй Линь наконец смог определиться с целью своего визита: если Люй Сяо-цзы был жив, его следовало сопроводить в секту Куньлунь; но раз тот умер, требовалось уничтожить Е Юя, ставшего сосудом для семени демонического пути.

— Ты и есть Е Юй, — вновь переспросил Юй Линь. Если бы семя демона одержало верх, Е Юй уже превратился бы в порождение зла, однако в глазах этого юноши не было и тени безумия, а взгляд оставался кристально чистым.

В тот самый момент, когда Юй Линь удостоверился в личности Е Юя, молчаливый и никем не замечаемый Чао Минь наконец открыл глаза. Его зрачки были кроваво-красными, точно у самого демона, а уголки губ слегка изогнулись в насмешливой ухмылке, исказившей лишенное детской невинности лицо зловещим издевательством. Затем он вновь молча прикрыл глаза: новая волна неистовой, жуткой боли заструилась по его меридианам.

Е Юй все еще пребывал в благодушной атмосфере мысли о том, что его учитель наконец-то оставил после себя старого друга-собутыльника, и дружелюбно улыбнулся Юй Линю:

— Моя фамилия Е, а имя Юй.

В этом похожем на альтернативную реальность мире боевых искусств, судя по всему, не было никаких вторых имен, так что при знакомстве не требовалось приплетать длинный хвост из прозвищ.

Юй Линь мрачно уставился на него. Во взгляде этом боролись смятение и холодное безразличие, пока последнее не взяло верх. Опустив взгляд на Е Юя, он произнес:

— Прошу прощения за неучтивость, Е Юй, расставайся с жизнью!

Его слова еще не затихли, а меч уже сорвался с места. Резкий и леденящий душу свист меча прорезал воздух.

— А? — Е Юй опешил. неужели это какой-то новый модный способ приветствия?

Улыбка еще не успела сойти с его губ, как при поднятом взгляде перед ним предстал жуткий, леденящий кровь клинок, который со страшной силой обрушивался сверху ему на голову.

Е Юй мысленно выругался: *...какого черта? То есть байка о том, что твой наставник и мой учитель — лучшие друзья, была всего лишь красивым недоразумением?!*

<http://bllate.org/book/22510/2377033>